

Последние восемь лет средний сын, бизнесмен, не был в отпуске. Работал день и ночь, все расширял производство, устанавливал дорогостоящее оборудование, подбирал специалистов, пока не превратил клинику в современный инновационный центр. Вместе с ним упорно трудился и младший сын. Заработал на гараж, купил квартиру и джип. Молодец! Я им горжусь. И средним, и старшим сыном, конечно. Живу и радуюсь. Молюсь — пусть все у них будет хорошо. У всех сыновей. И у внуков. Это и есть мое большое счастье — все живы, здоровы, благополучны. И мне, матери, хорошо.

А тут вдруг оба, как сговорившись, заявляют: едем в Таежное, на рыбалку. Это только легко сказать — едем, то есть по федеральной трассе до Хабаровска добираться, потом до Комсомольска, а до Таежного — по лесной дороге еще семь верст киселя хлебать. В целом почти две тысячи километров в пути. Кругом на сотни верст — ни души. И внука с собой берут. «Я сыну обещал, что покажу ему тайгу, низовье Амура, будем рыбачить, в зимовьях ночевать, в тайге птицу и зверя бить», — говорит средний сын решительным тоном. У меня, естественно, срывается стереотип учительницы: учебный год начался, уроки в школе пропустит, на английском его потеряют...

— Да как же это? Ведь пропустит столько!

— Ничего, догонит. Тайга и река тоже школа — школа жизни, — говорит сын, — так что не волнуйся, лучше в дорогу нас, как всегда, собери.

Может, он и прав! Я уже чего-то не понимаю. Стараюсь успокоиться...

Их любимые закуски начинаю готовить. Они только что из Москвы вернулись. Там на международной ярмарке заказали материалы и оборудование, прослушали лекции специалистов Франции, США, Бельгии — все квалификацию повышают. Мне тоже надо на повышение ехать, да что-то оттягиваю, боюсь. Возраст уже не тот, какая в командировке диета... Да мало ли... Тревожно, маетно на душе. Давно замечаю: стоит кому-то из сыновей уехать, места себе не нахожу. Страшно мне без них, пусто, тоскливо, холодно, одиноко, тревожно. Молитвами только и спасаюсь.

Собираю путешественников в дорогу: огурчики их любимые с укропчиком и чесноком замариновала, красный перец в заливке сделала. А какая прослойка с чесноком! Лапши домашней, на одних яйцах затертой, засушила, — в тайге суп с дичью сварят. Пирожков напекла — в дороге перекусят. А они в ночь надумали выехать, чтобы в Хабаровске днем быть. Мне совсем страшно. Господи, как же они ночью одни на трассе? На сотни километров — ни жилья, и закон один для всех — тайга. А как лихие люди из леса выйдут? А вдруг двигатель заклинит? А

вдруг... Запечалилась, затревожилась... Как защитить? Чем помочь? От беды в дальней дороге уберечь? Только молитвой: «От света святого — печать Христова, молитва — пречистый замок...» Есть такая молитва в дорогу: «О, пресвятая госпоже! Владычице Богородице! Небесная царице! Спаси и избави рабов божиих (перечисляю имена) от напрасные клеветы, от всякие беды и напасти и внезапные смерти. Помилуй их в дневных часах, и во утренних, и в вечерних, и во всякое время сохрани их, стоящих, сидящих, соблюдаи и на всяком пути ходящих, и в ночных часах спящих. Снабди, покрый и заступи и защити их, Владычице Богородице, от всех враг их, видимых и невидимых, и от всякого злого обстояния! На всяком месте и во всякое время буди им, Мати, преблагая неборимая стена и крепкое заступление всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Сильная, древняя молитва. Давно, с раннего детства, ее знаю. Мама молилась за нас, а ей бабушка Вера передала, а бабушке — прабабушка, алтайская староверка. Молясь, верю в заступничество Пресвятой Богородицы.

Ночь наступила, надо ложиться спать, а у меня душа-вещун не на месте. Господи, помоги детям моим в дороге.... Десять часов ночи, одиннадцать... Половина двенадцатого... Молюсь, молюсь: «О, пресвятая госпоже! Владычице Богородице! Небесная царице! Спаси и избави рабов божиих...» — а душа все не на месте, болит и мечется: «Помилуй их в дневных часах, и во утренних, и в вечерних, и во всякое время сохрани их, стоящих, сидящих, соблюдаи и на всяком пути ходящих...» Все тревожней и тревожней... С сыновьями что-то? Не выдержала, звоню по мобильному телефону. Отвечает средний:

— Мама, мы едем. У нас все хорошо.

— А дорога как? В городе такой снег валит.

— На трассе все нормально. Не волнуйся. Ложись спать. Поздно уже.

И правда. Поздно. Завтра целый день работать. Надо выспаться, а сна все нет и нет. Тревога совсем захлестнула, душит, хоть плачь. Молитвенно твержу: «Снабди, покрый и заступи и защити их, Владычице Богородице, от всех враг их, видимых и невидимых, и от всякого злого обстояния!..» Нет сна! Хоть глаза выколи! Встала. Походила. Валерьянки выпила. Легла. ...«На всяком месте и во всякое время буди им, Мати, преблагая неборимая стена...» Лежу, бессонница сторожит и ни на шаг от подушки... Мама когда-то говорила, что нужная молитва в трудный час сама «приходит». Надо закрыть глаза, успокоиться и подождать. И она обязательно «придет». Лежу, прислушиваюсь к себе... И вдруг в памяти всплывают слова: «О, Мария, сладость, самих ангелов печальных радость... О, Мария, Матерь Божия и Мати наша христианская, на меня прогневался сын твой. Что мне делать? К кому прибегнуть? Каюсь я во грехах своих и прибегаю к твоему спасению. Кто на тебя надеется, тот никогда не будет постижен ни на воде, ни на земле, ни в огне. Пекло открыто. Пекло закрыто. Аминь».

Открываю глаза... Как давно я не обращалась к этой молитве! Кажется, даже вовсе забыла ее. Еще в молодости о ней поведала мне старенькая санитарка в роддоме, когда я с первенцем лежала. Она говорила, что молитву эту перед самой войной ее отцу дал прохожий старец. «Так и сказал: «Гореть тебе, парень в огне, и тонуть в реке, и умирать на чужой земле. Запомни и твори непрестанно молитву эту, и спасешься...» Отец дошел с этой молитвой до Берлина. Счет рекам потерял, что переплывал, в танке не раз горел, на чужбине кровью истекал, но вернулся. И мне, и братьям моим передал чудотворную молитву эту. А ты ею за мальчика своего молись, и будет он цел и невредим». Это было напоминание о первенце — старшем сыне, но я, тревожась за уехавших, не обратила внимания, не вспомнила о нем. Насилу успокоившись, в два часа ночи забылась в тревожном сне.

Рано утром звонок по телефону. Голос старшего сына:

— Мама, ты только не волнуйся. Я в ДТП попал. Машина разбита и восстановлению не подлежит. Не хотел тебя волновать на ночь глядя.

— Господи, а сам-то как? Цел?

— Я ж говорю, не волнуйся. Здоров и невредим. Ногу немного поранило. Заживет.

— Боже мой! А когда это произошло? В какое время?

— Сегодняшней ночью. Около двенадцати часов.

— Да ты что! — вспоминаю, что именно после одиннадцати до двух ночи не могла найти места от тревоги.

— Авария была такой сильной... Обе машины вдребезги. Сработали подушки безопасности. Видела бы ты, что там началось! Сразу же скорая, милиция подъехали, пожарные. Пенной все залили вокруг. Нас всех увезли в больницу. Я только после часа ночи вернулся на место аварии. Покореженное авто свое отбуксировал к гаражу. Потом спать пошел. Тебе решил утром позвонить. Все хорошо, мама.

— Сынок, главное — ты жив, а машину купим. Она удар приняла на себя, а тебя спасла, — вырываются у меня первые пришедшие на ум слова.

Отключаю телефон и пытаюсь осознать, что произошло. Это я во всем виновата! О старшем сыне, что в городе остался, ни разу не вспомнила. Все за тех, что в дорогу отправились, думала, молилась, а о старшем, что на городской улице в это время навстречу беде ехал, не нашлось слова в моей материнской молитве. Мне ведь был знак! Душа моя была тревогу, маялась, подсказывала, и забытая молитва, первенцу данная, на ум пришла, да только все тщетно! Я, ослепленная тревогой за уехавших в дальнюю дорогу, не услышала Ангела-хранителя. Господи! Жив мой старший! Благодарю тебя, Боже! И запоздало понимаю: «Молиться за всех надо было. За всех сразу!» Так теперь и поступаю.

